

Томас Росён

Методы и проблемы при датировании и локализации анонимных церковнославянских переводов

1. Введение

1.1. Цель

В настоящей статье обсуждаются методы датирования и локализации анонимных церковнославянских переводов, т. е. текстов, в которых отсутствуют эксплицитные данные о времени и месте их создания. Установление времени и места переводов часто является делом весьма непростым, что становится понятно из богатой литературы, посвященной этой теме. Актуальность проблематики подчеркивается словами Р. Станкова и А. Молдована: «Одним из самых спорных вопросов в палеославистике по сей день остается вопрос возникновения того или иного славянского переводного текста [...]» (Станков 1991:83); «Исследования по истории славянских литературных языков немало выиграли бы от привлечения столь огромного материала [т.е. переводов – *T.P.*] для изучения формирования региональных изводов древнеславянского языка, если бы этому не препятствовали анонимность подавляющего большинства переводов и отсутствие каких-либо указаний на их территориальную принадлежность» (Молдован 1994:69).

Такие мнения указывают на важную для славистики задачу: разработка методов анализа переводов с целью решения вопросов об их роли в истории славянской письменности.

В настоящей статье не выдвигаются новые теории о методах датирования и локализации. Целью статьи является скорее всего краткое описание существующих в науке методов и тех проблем, с которыми сталкивается исследователь при их применении.

Тематика статьи является областью исследований огромных масштабов. В работе маленького объема невозможно обратить внимание на всю релевантную литературу, так как она состоит из исследова-

ний, чаще всего отдельных переводных памятников, разбросанных по огромному количеству больших и меньших статей или монографий. Очень редко исследования сосредоточиваются только на методологических вопросах, касающихся датирования и локализации. И в этой статье мы решили ограничиться работами, которые тем или иным способом касаются именно методологических вопросов. Статья никак не исчерпывает темы. В ней, однако, делается попытка собрать и оценить хотя бы самые важные из существующих методов. Подобные попытки делались, надо сказать, и в прошлом, но эти работы либо устарели, либо они касаются лишь отдельных критериев датирования и локализации (см. напр. Соболевский 1910; Истрин 1922; Мещерский 1978; Станков 1991; Молдован 1994). Надеемся, что наша попытка будет поводом для дальнейшей дискуссии.

1.2. Корпус славянских переводов: проблематика

Подавляющее большинство сохранившихся до наших дней церковнославянских текстов состоит из переводов (Мирчев 1963: 50; Мещерский 1978: 3). Корпус переводных текстов далеко не гомогенный.

Во-первых, переводы делались на церковнославянский язык с разных языков, прежде всего с греческого и латинского.

Во-вторых, тексты принадлежат различным жанрам. Если ограничимся текстами, переведенными с греческого, то можно увидеть среди них представителей почти всех жанров византийской литературы (за исключением напр. античной греческой, «эллинской», литературы). Особое место среди переводов занимают богослужебные книги (Новый Завет, Псалтырь и т. п.). К этой категории принадлежат первые переведенные на славянский язык тексты, составляющие т. н. «древнецерковнославянский канон». Этот канон до сих пор является главным предметом исследований, и на его материале построено большинство грамматик и словарей (напр. SJS; ССл.; Люсен 1995b и др.). Язык переводов более поздних времен изучен в меньшей степени.

В-третьих, место и время возникновения переводов неодинаковы. Корпус средневековых славянских переводов включает в себя тексты семи с лишним столетий (со времени первых Кирилло-Мефодиевских переводов 60-ых годов IX в. до появления печатных книг в XVI в.). Также нельзя забывать, что термин «церковнославянская письменность», в самом широком смысле, включает в себя памятники с огром-

ной территории: от Средиземного моря до Северного ледовитого океана, и от Адриатики до Урала. В такой перспективе легко понять причину того, что между текстами наблюдаются существенные различия на многих структурных и формальных уровнях. В одних текстах наблюдается большое количество информации, на базе которой их можно датировать или локализовать, между тем как другие тексты, с точки зрения ныне существующих знаний, вполне нейтральны.

В-четвертых, многие переводы подверглись редактированию. Поэтому часто очень сложно различить черты, принадлежащие оригинальным переводам, от тех, которые возникали на более поздних этапах.

Принимая во внимание явную пестроту корпуса церковнославянских переводов, можно спросить себя: В чем заключаются главные проблемы датирования и локализации анонимных переводов? На наш взгляд в следующем:

Первая проблема связана с историей греко-славянских контактов: Как принимали славяне греческую письменность? Какими путями шло приспособление литературного языка славян к принятию богатого христианского литературного корпуса? Чем отличаются первые славянские переводы от переводов последующих веков?

Вторая проблема касается развития изводов церковнославянского литературного языка: Какие различия наблюдаются между изводами в хронологическом и географическом аспектах?

Как хорошо известно, ответы на вопросы о развитии отдельных языков и диалектов можно найти в грамматиках и словарях древнецерковнославянского языка и в исторических грамматиках и словарях всех южно- и восточнославянских языков. К этому можно добавить большое количество исследований более специфичных проблем. Наша задача не заключается в том, чтобы сделать обзор этой литературы. Как уже сказано, наша цель — краткое описание методов и проблем, связанных с этими методами, при датировании и локализации анонимных переводов.

2. Методы датирования и локализации

Время и место возникновения анонимных церковнославянских переводов можно установить при помощи двух типов информации: текстуальная информация и язык.

2. 1. Датирование и локализация при помощи текстуальной информации

Чтобы узнать, где и когда был переведен тот или иной анонимный церковнославянский текст, можно изучать его отношения к другим текстам. Точку опоры для выводов можно найти, если в исследуемом переводе встречаются цитаты из других текстов, или если в других текстах встречаются цитаты из исследуемого текста. При этом, конечно, желательно, чтобы история цитируемого текста была как можно точнее установлена.

Другой подход заключается в том, что исследователь использует упомянутые в добавлениях к переводу исторические события локального характера, имена царей, князей, епископов и других лиц, даты рождения и кончины которых известны. Такая информация помогает при установлении времени, после которого текст не мог бы быть переведен, т. н. «*terminus post quem* non», или наоборот, т. е. «*terminus ante quem* non». Пример этого находим в сочинениях Презвитера Козмы, который цитирует из «Скитского патерика». Это является доказательством того, что «Скитский патерик» существовал в славянском переводе в X в. (Pore, Preface, стр. 22, в: Van Wijk 1975). Другой пример находится в древнейшей к настоящему времени рукописи апокрифического текста «Детство Иисусово» (*Evangelium infantiae*). Рукопись¹ датируется серединой XIV в. по следующим данным: в конце рукописи запись скорописью 1634 года, в которую включена более древняя запись. В этой записи упоминаются имена болгарского царя Иоанна Александра и сына его Михаила Асеня. Последний был соправителем отца до 1337 года и умер около 1355 г., когда на Тырновском соборе, в роли соправителя отца, выступал уже его брат Иоанн Асень IV (см. Яцимирский 1899: 144-145). Таким образом, из этой записи можно заключить, что перевод «Детства Иисусова» существовал по крайней мере в названное время².

2.2. Датирование и локализация по языку

Во многих случаях исследуемые тексты не имеют каких-либо прямых

¹Для сведений о рукописи см. Rosén 1997: 28.

²Наверно, как показывает проведенный нами анализ языка этого памятника, перевод был сделан в Болгарии когда-то между 975 и 1025 гг., или несколько позже (см. Rosén 1997: 166).

связей с другими текстами и не содержат информации об исторических лицах и событиях. Чтобы установить хронологическую и географическую принадлежность этого типа текстов, необходимо провести подробный анализ языка на базисе большого количества списков. При таком анализе используются черты в языке памятника, которые с большей или меньшей уверенностью можно датировать или локализовать. В настоящем разделе мы обратим внимание на эти черты, или «критерии», как их принято называть.

2.2.1. Лексика

В методике датирования и локализации анонимных церковнославянских переводов важное место занимает лексика. Без преувеличения можно сказать, что, до сих пор, она играла даже важнейшую роль. Однако историко-лексический подход усложняется рядом проблем, касающихся как разницы между южно- и восточнославянскими переводами, так и внутренней разницей между южнославянскими переводами. Обратим внимание на эти проблемы, начиная с уже установившихся мнений касательно Киевской Руси.

Историко-лексический метод тесно связан с именем А. И. Соболевского (Соболевский 1910; Мещерский 1978: 19; Thomson 1993: 295; Молдован 1994: 69). Соболевский считал, что, судя по Повести временных лет (ПВЛ), можно полагать, что переводы делались в Киевской Руси и до монгольского нашествия. В ПВЛ под 1037 г. читается следующее о Ярославе Мудром: «и собра писцѣ многы· и пре-кладаше ѿ Грекъ ꙗ́ Словѣньское писмо и списаша книги многы· и списка имиже побѣдѣша вѣрнии людье наслажаются· оученья вождѣвнаго» (ПСРЛ 1962, I, col. 152)³.

Соболевский признал, что трудно различать восточнославянские переводы от восточнославянских редакций южнославянских переводов, так как язык в обоих типах «[...] в общем один и тот же – церковнославянский язык русского извода» (Соболевский 1910: 164). Однако локализация анонимного перевода возможна, когда исследуемый текст отличается бóльшим объемом и включает в себя определенные типы

³Теорию о домонгольских переводах на Руси поддерживают многие ученые, главным образом бывшего Советского Союза, напр., Д. С. Лихачев, Н. А. Мещерский, А. А. Алексеев. На Западе был опубликован ряд критических работ, напр., исследования Г. Г. Ланта, Ф. Дж. Томсона.

лексики. По его мнению, переводчики домонгольской Руси хорошо владели церковнославянским языком, но иногда они не находили в нем адекватных терминов. В таких случаях они прибегали к словам из родного языка (там же). Соболевский особенно интересовался тремя группами слов:

«1) Слова славянские по происхождению со специальными значениями: названия должностных лиц, монет, мер веса и расстояния, судов, одежд, напитков и т. п. [...].

2) Слова, заимствованные русским языком из других языков [...] Подобные слова или совсем неизвестны в церковно-славянских текстах южно-славянского происхождения, или известны в других значениях.

3) Названия городов, народов и т. п., хорошо известных русским и неизвестных или малоизвестных южным славянам, названия, отличные от названий, употреблявшихся греками[...]» (Соболевский 1910: 165).

На базе своих наблюдений Соболевский составил список, который в своем окончательном виде включает 36 текстов⁴, которые должны были быть, по его мнению, переведены на Русь до середины XII в (Соболевский 1910: 166-176).

В 20-ые годы Н. Дурново составил подобный список с 37 текстами, которые по его мнению, с большей или меньшей уверенностью, должны быть признаны русскими (Дурново 1927: 77-83; Thomson 1993: 297; Молдован 1994: 70). Однако, он признал, что только 17 из 37 можно назвать «несомненно русскими» (Дурново 1927: 76, сн. 6). Согласно результатам исследований начала века (Соболевский 1910; Истрин 1922; Дурново 1927), многие современные ученые бывшего Советского Союза соглашались, что существует определенное количество переводов, сделанных в Киевской Руси до монгольского нашествия (ср. Успенский 1988: 37).

Несмотря на популярность «списков русизмов», с ними ассоциируется ряд сложных проблем, которые уменьшают их надежность. Эти

⁴А. Молдован считает, что список состоял из 34 текстов (Молдован 1994: 70). В статье Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода» (*Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893*, II, 1897: 53-61) в список входило *Житие Варлаама и Йоасафа*, которого нет в списке 1910 г. Поэтому Ф. Дж. Томсон пишет в своей критике теории Соболевского о предполагаемых русских переводах, что число текстов, охарактеризованных Соболевским как «древнерусские», должно быть 37 (Thomson 1993: 295, сн. 3).

проблемы были известны ученым с самого начала. Например, Соболевский признал, что применимость его метода ограничена, когда тексты «имеют незначительный объем» (Соболевский 1910: 164). В. М. Истрин охарактеризовал эту статью Соболевского «особенно ценной», отчасти потому, что в ней представлен интересный лексический материал, отчасти потому, что она указывает дорогу, по которой должно пойти решение проблематики локализации. По его словам, однако, результаты Соболевского нуждаются в добавлениях и, в некоторых случаях, в поправках и ограничениях. В связи с этим Истрин указывал на слова, воспринятые Соболевским как древнерусские, хотя их, на самом деле можно найти и в южнославянских памятниках (Истрин 1922: 271-272).

Дурново также делал замечания, ограничивающие возможности датирования и локализации по лексическим признакам. Он пишет: «Но и метод, базирующийся только на словарных особенностях русских списков переводного памятника, не может считаться достаточно надежным, пока не приведен в известность словарный материал цсл. переводов и сочинений древнейшего периода нерусского происхождения, и пока не исключена возможность того, что русские слова, приводимые в доказательство русского происхождения перевода, внесены русскими писцами или редакторами в текст ю.-сл. перевода. Кроме того, нередко исследователи, обращая внимание на встречающиеся в переводном памятнике слова, по их мнению, русские, не принимают во внимание их остального словарного состава, иногда резко отличного от словарного состава памятников несомненно русских» (Дурново 1927:76).

Несколько лет тому назад А. Молдован подчеркнул, что статья Соболевского «изобилует неточностями». Однако, на базе этих неточностей не следует заключать, что метод неприемлем. Они, полагает Молдован, скорее зависят от отклонений от установленных критериев, а также от того, что критерии применялись слишком расширенно, «при ограниченных по тому времени словарных данных» (Молдован 1994: 70). Чтобы решить проблемы, наблюдающиеся в связи с локализацией переводов по лексике, Молдован предлагает следующее:

а) необходимо строить лексический анализ на значительно более широкой базе исторических, этимологических и диалектных словарей, имеющихся сейчас в нашем распоряжении.

б) при локализации необходимо провести тщательный тексто-

логический анализ рукописной традиции исследуемого памятника. Он продолжает: «[...] при исследовании памятника только по одному или нескольким произвольно выбранным его спискам нет особой уверенности в том, что то или иное слово было в исходном тексте перевода, а не является следствием замены при его переписке» (Молдован 1994: 71).

В статье, опубликованной совсем недавно, Молдован изложил свои взгляды на приемлемость лексических доказательств при локализации анонимных переводов (Молдован 1997). Он исходит из того, что в отличие от орфографическо-фонетической информации, которую можно изучать по отдельным спискам, лексическую информацию можно использовать лишь в таких случаях, когда памятник был предметом текстологического анализа, установившего отношения разных рукописей друг к другу. В благоприятных случаях, когда «[...] каждое слово, встречающееся в каждом списке памятника, получает хронологическую "привязку"», для локализации можно использовать лексическую информацию (Молдован 1997: 64). Чтобы приблизиться к решению проблем лексического метода, Молдован изучал механизмы, действующие при лексических заменах (т.е. замена одного слова другим, более регионального характера). Он отвергает предложение, бытующее в научной литературе со времен Ягича и раньше, что лексические замены в рукописях могут возникать стихийно, в зависимости от степени владения переписчиков церковнославянским языком. По мнению Молдована, лексические инновации могли возникать только в рамках литературного языка. В церковнославянском тексте могло использоваться только слово, принадлежащее «норме» устной речи и письменного языка. Особенно важную роль в этих процессах играл язык богослужения и речевая практика монастырей.

Копиисты при простом размножении не делали лексических замен, кроме тех, которые возникали как результат неправильного чтения. Настоящие лексические замены могли возникать только при редактировании, что было прерогативой узкого круга людей интеллектуальных элит. Как пример этого он приводит центральные религиозные тексты, в которых нет ни одного лексического русизма, несмотря на то, что списки часто орфографически тяжело русифицированы. Молдован продолжает: «Поэтому если списки того или иного переводного памятника, не подвергавшегося редактированию (что видно при сравнении его с греческим оригиналом), содержат синтаксически и лексически тождественный текст с некоторым количеством

лексических русизмов, то эти русизмы должны быть с высокой степенью уверенности ассоциированы с архетипом перевода и, следовательно, с ними нельзя не считаться при определении его происхождения» (Молдован 1997: 68).

Главный сегодняшний противник теориям о древнерусской переводческой деятельности — Ф. Дж. Томсон. В четырех пунктах он критикует предположения «русофилов» (Thomson 1993: 299-308):

а) Переписчики свободно делали лексические замены в рукописях, либо потому, что оригинальные слова были неизвестны, либо потому, что текст должен был быть приспособлен к восточнославянской среде.

б) Восточнославянское происхождение определенных текстов было установлено без удовлетворительной текстологической обработки рукописной традиции. В связи с этим, Томсон называет «Пандекты» Никона Черногорца, текст, который раньше был известен только в восточнославянских списках, но который существует и в списке южнославянского происхождения, *Cod. Hilandar 175* (XIII в.) (Thomson 1993: 323, сн. 169).

с) Трудно определить, что такое «русизм». Возможно, что слова, первоначально неизвестные на южнославянской территории, были заимствованы через контакты. «Восточнославянизмы», напр. Истрина, нельзя принимать как доказательства, так как выводы о них были сделаны на основе недостаточного для современных обстоятельств лексического материала.

д) Те, кто поддерживают идею о древнерусской переводческой деятельности, забывают два важных исторических факта:

Во-первых, нельзя полагать, что наличие восточнославянизмов в том или ином памятнике значит, что этот памятник был переведен в Древней Руси. Восточные славяне жили не только на Руси, они были и в Константинополе, и на Афоне. Согласно Томсону, отсутствие в оригинальных восточнославянских текстах цитат из непереуведенных греческих памятников свидетельствует о том, что на Руси плохо знали греческий язык⁵. Томсон согласен с Г. Г. Лантом (1988), что то место в ПВЛ, где говорится о переводе книг, порчено (см. выше).

⁵Томсон признает, что, в результате торговых контактов, на Руси в какой-то мере знали *димотский* (т.е. греческий разговорный язык). К тому же, в канцеляриях греческих, киевских митрополитов должны были быть переводчики, но неизвестно, были ли у них знания церковнославянского языка.

Во-вторых, сопоставление текстов, созданных в Болгарии с теми, касательно которых предполагается древнерусское происхождение, показывает, что между тем, как первые изобилуют цитатами из греческих текстов, которых нет в церковнославянском переводе, в последних такие цитаты отсутствуют⁶.

Молдован и Томсон согласны в том, что любое исследование в этой области должно строиться на глубоком текстологическом анализе, но между ними наблюдаются и резкие контрасты, особенно что касается механизмов лексических замен.

Другой аспект значения лексики для датирования и локализации анонимных переводов связан с текстами южнославянского происхождения. В них наблюдаются вариации в лексическом составе памятников, причинами которых принято считать географические и хронологические различия.

Письменная деятельность в первом Болгарском царстве была сосредоточена в двух центрах; Охрид (О) и Преслав (П). Между памятниками из этих центров существуют лексические расхождения, которые понимаются как «слаби следи от диалектното раздробяване на българския език през старобългарския период»: гоумьно (О) – токь (П); храмьна (О) – хлѣвьна (П); живогъ (О) – житие (П) и т. д. (Мирчев 1963: 49-50). Объяснения различий многочисленны, но все-таки существует распространенное мнение, что этими различиями можно пользоваться при локализации церковнославянских переводов, особенно богослужебных книг (Šafařík 1858; Jagić 1913; Станков 1991: 84 и др.).

В своем исследовании языка «Исторической Палеи» болгарский ученый Р. Станков критикует теории локализации своих предшественников, в которых противопоставляется охридская и преславская лексика. Цель Станкова «выяснение ответа на вопрос, может ли существующее в науке деление на “охридскую” (“непреславскую”) и “преславскую” лексику служить базой для локализации древнеболгарских переводных (небогослужебных) текстов» (Станков 1991: 83). Его результаты показывают, что традиционную оппозицию Охрид — Преслав можно использовать при исследовании текстологии богослужебных текстов, «где сакральность текста имеет существенное значение». Что же касается текстов небогослужебных,

⁶Возможным исключением, согласно Томсону, является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

Станков полагает, что для их локализации нужно исходить из «лексем, диалектно ориентированных и не получивших широкого литературного употребления [...]». Встает необходимость проектировать современные диалектные различия на более раннюю эпоху истории болгарского языка, несмотря на то, что это довольно трудно, так как ряд исследователей подчеркивает слабую диалектную расчлененность в древнеболгарский период» (Станков 1991: 89)⁷.

Выяснению диалектной базы анонимных переводов посвящена статья Е. И. Деминой (1984). В ней автор обсуждает несколько проблем, с которыми она сталкивалась во время своей работы над «Тихонравовским дамаскином» (XVII в.), т.е. памятником существенно моложе по сравнению с переводами IX-XVI вв.. Несмотря на это, результаты исследований Деминой релевантны для нашей дискуссии.

В области исследований средневековых и более поздних переводов, по мнению автора, большое значение имеет составление историко-лингвистических атласов и карт с точными указаниями на границы изоглосс и т. п. Такие атласы уже существуют, напр., во Франции. Что касается Болгарии, Демина считает, что подобные публикации являются делом далекого будущего, так как в Болгарии сохранилось сравнительно с Францией очень мало текстов (Демина 1984: 4-5).

Как видно из настоящего краткого обзора лексических методов датирования и локализации, ученые до сих пор обсуждают многие фундаментальные вопросы. Чтобы, в будущем, достигнуть надежных результатов в этой области, необходимо, как нам кажется, следующее:

а) Во многих ныне частично устаревших исследованиях текстологический анализ рукописного материала неудовлетворителен. Поэтому, если современный исследователь хочет использовать лексическую информацию, основанную на таких исследованиях, *он должен это делать с большой осторожностью*, а не просто согласиться с мнениями авторов этих исследований, т.е., во многих случаях, ученых XIX – начала XX вв..

б) Чтобы стать надежным научным инструментом, лексический метод нуждается в хороших исторических и диалектных словарях. По сравнению с положением в начале XX в., сегодняшняя ситуация позволяет определенный оптимизм, но пока нужно согласиться с Г. Бирнбаумом и Й. Схакеном о том, что многого еще не хватает в наших

⁷Он признает также возможность применения переводческой техники как критерия локализации (см. ниже, раздел 2.2.3.).

знаниях о хронологических и географических рамках лексического состава церковнославянского языка, особенно в период после древне-церковнославянского (ср. Birnbaum & Schaeken 1997: 13-14).

2.2.2. Синтаксис

Теорию о применимости сопоставительных анализов синтаксических различий между текстами разного происхождения при локализации славянских переводов в 1950-ие годы выдвинул немецкий славист Герберт Бройер (Bräuer 1957, 1959). По его мнению, возможности повышения надежности при локализации были бы значительно больше, если бы к ранее существовавшим критериям [т.е. фонетика, морфология, лексика — *T. P.*] добавился критерий синтаксический. Критерием локализации он предложил конструкции придаточных предложений цели и т. н. «косвенно-побудительных» предложений, которые в старославянском и церковнославянском русского извода можно было связывать с главным предложением либо через союз «да» (возможны также «а» и «атъ») при глаголе-сказуемом в изъявительном наклонении, либо посредством того же самого союза с глаголом-сказуемым в сослагательном наклонении, т.е. «давъ», «авъ». Согласно его результатам, конструкции в изъявительном наклонении характерны для старославянского языка, между тем как конструкции с сослагательным характерны для «русского». Его выводы базировались на наблюдениях над языком таких памятников как Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, «Изборник Святослава 1073 г.», «Хроника Георгия Амартола», и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (Bräuer 1959: 329-331).

Теория Бройера не принималась наукой без возражений. Против его взглядов высказался Н. А. Мещерский, подчеркивая, что указанные конструкции с изъявительным наклонением «[...] могли использовать и русские по рождению и родному языку авторы, притом не только в древний период, но и в новое время развития русского литературного языка (Державин, Пушкин, Рылеев, Лермонтов и др.) как своеобразное стилистическое средство». Поэтому, «[...] применение синтаксического критерия [...] не может быть принято как надежный исследовательский прием» (Мещерский 1978: 23). Мещерский считает, что главным критерием и в дальнейшем должен остаться лексический. Синтаксический критерий можно применять лишь как дополнительное средство (там же).

О том, что не только Мещерский, но и другие ученые сомневаются

в надежности теории Бройера, свидетельствуют следующие слова Р. Станкова (1991: 83, сн. 1): «Так или иначе, судьба синтаксического критерия остается неясной, но это предмет самостоятельного исследования».

2.2.3. Переводческая техника

Возможность использования приемов перевода как критерия датирования была предложена Клаусом Тростом: «Da die Entstehungszeit einer Übersetzung und der Übersetzungsstil, ja die Übersetzungspraxis insgesamt, im slavischen Mittelalter sich wechselseitig bedingen, kann man aus einer Untersuchung der Übersetzungspraxis auch Anhaltspunkte für die *Chronologie einer Übersetzung* erhalten. Umgekehrt kann man allein aus der Tatsache heraus, daß ein Text einer *bestimmten* Zeit zugeordnet werden kann, damit rechnen, daß er bestimmte, für *alle* Texte seiner Zeit charakteristische Eigenheiten des Übersetzungsstils aufweist» (Trost 1978: 19).

Многие проблемы, касающиеся истории переводов славянского средневековья, остаются или были изучены лишь частично. Среди окончательно не изученных проблем наблюдается, напр., вопрос о том, какими техниками и теориями перевода владели славянские переводчики, и вопрос о развитии приемов перевода в хронологическом и географическом планах. Другими словами, проблема заключается в том, чтобы объяснить, какие средства были в распоряжении славян, для принятия и распространения христианского наследия. В самих текстах крайне мало информации, вроде предисловий и введений. Сегодняшним исследователям поэтому приходится, в подавляющем большинстве случаев, работать с той информацией, которую можно получить путем тщательного анализа языка текстов.

С точки зрения датирования и локализации интересно сопоставлять славянский перевод IX в. с переводом, напр., XIV в.. Такое сопоставление показывает, что переводчики работали неодинаково.

Теория и практика перевода славянского средневековья изучаются уже больше века. Количество исследований сравнительно малое; большинство занимается отдельными текстами и переводчиками. Часто в переводах изучались только определенные категории слов; напр., абстрактная лексика, сложные слова, прилагательные и т. д. Краткие периодизации славянских переводческих техник находятся у Ивановой-Мирчевой (1977) и Фосса (Voss 1997: 57-61).

Центр тяжести в изучении материала все еще лежит в древнецерковнославянском материале, во главе с текстами Нового Завета

(Grünenthal 1910; Jagić 1913; Верещагин 1971, 1972а, 1972б; Львов 1974; Molnár 1985; Leeming 1987; Огрен 1995а). Другие жанры славянской литературы тоже представлены среди исследований, напр. гомилетика, историография и др. (Истрин 1922; Höcherl 1970; Keipert 1977; Hansack 1979, 1981, 1986; Fält 1990). Особое значение имеют работы Верещагина и Гансака.

Переводы периода XI-XVI вв. изучены в меньшей степени. Существует несколько статей и монографий, но нельзя пока делать выводов о развитии переводческой деятельности на базисе такого ограниченного материала (см. Иванова-Мирчева 1977; Trost 1978).

Рядом с исследованиями славянской переводческой техники греческих оригиналов существует несколько работ, посвященных сопоставлению славянских переводов с переводами из других частей Европы (напр. Шьоберг 1980, Sjöberg 1987; Hansack 1987; Leeming 1987).

Выводы о техническом и теоретическом основе славянских переводов и о «качестве» переводов в значительной мере варьируют. Как правило, отрицательные мнения принадлежат литературе конца XIX и начала XX вв.; в последние десятилетия наука во все большей степени признает компетентность средневековых книжников (ср. Šafařík 1858; Верещагин 1971: 8-9). Как пример позиции ученых раннего периода можно привести выдающегося немецкого слависта Аугуста Лескина, который в результате своего исследования языка Иоанна Екзарха Болгарского констатировал, что тот имел лишь ограниченные знания греческого, и что в этом находится причина отличий между греческим оригиналом и славянским переводом. Неправильность этих выводов продемонстрировали в своих работах Эрнст Гансак и Ф. Дж. Томсон. Они показали, что Иоанн Екзарх имел блестящие знания и греческого языка, и теорий семантики своего времени (Hansack 1979, 1981, 1986; Thomson 1991).

Однако отрицательные взгляды на деятельность средневековых переводчиков можно найти и в современной литературе: «In fact, the quality of translations from the Greek rarely reached the standard established by Cyril and Methodius. Their translations were literal, introducing a good deal of Greek syntax into the Slavic text, but they were based on a text perfectly understood and conscientiously rendered. Later translators often translated without really understanding the original» (Terras 1991: 18).

Из существующей литературы очень трудно получить представление о развитии переводческой практики и теории. Периоды исследовались более или менее в «изоляции» друг от друга, и связь между

ними неясна. Вероятнее всего, различные мнения прошлого о качествах славянских средневековых переводов имеют свои основы в том, что разные исследования исходили только из отдельных частей проблемы. Вне общего контекста, исследования отдельных вопросов привели к неправильным выводам.

Итак, суммируя результаты проведенных до сих пор исследований, можно заключить, что всестороннее описание развития славянской переводческой техники IX-XVI вв. остается делом будущего. Р. Станков считает, что возможность использования приемов перевода как критерия локализации остается неясной: «(...) этот критерий, по крайней мере на данном этапе, не является достаточно надежным» (Станков 1991:89).

Так можно ли датировать переводы на базисе переводческой техники? В настоящее время мы знаем, что переводческая техника варьировалась в славянском средневековье, однако, остаются много отдельных вопросов. Переводческая техника, поэтому, ценна как исследовательский метод, когда она применяется вместе с другими методами.

2.2.4. Орфография, морфология и словообразование

Кроме вышеназванных критериев в научной литературе существуют такие, в рамках которых используются данные орфографии, морфологии и словообразования, чтобы датировать и локализовать славянские переводы. Эти подходы, по ряду причин, можно охарактеризовать как крайне уязвимые (см. также Thomson 1993: 296, сн. 8):

а) Орфография средневековых рукописей неустойчива. Орфография рукописей могла подвергаться изменениям при переписке.

б) Надежность орфографических и пр. данных зависит от степени текстологической изученности рукописной традиции. Данные, взятые из отдельного списка, ничего не говорят о рукописной традиции в целом.

в) Даже в текстологически хорошо изученной традиции орфографическая и морфологическая информация свидетельствует только о состоянии в том списке, к которому восходят все существующие списки, т. е. в архетипе (для объяснения термина см. Maas 1957:6). Нельзя делать выводов о ситуации в оригинале, созданном переводчиком.

Особенно сложна ситуация, когда исследователю приходится судить о происхождении памятника по информации ограниченного

числа списков, иногда даже по одному. Научная литература изобилует примерами неудачного применения орфографических, морфологических и словообразовательных данных с целью датировать или локализовать ряд славянских переводов. Примером является датирование Хроники Георгия Амартола (см. ниже, раздел 3). Становится ясно, что данные этого типа можно принимать лишь как дополнительный критерий датирования и локализации.

3. Датирование и локализация славянских переводов на примере «Хроники Георгия Амартола»

Славянский перевод «Хроники Георгия Амартола» (ХГА), т. е. «Книгы временъныа и въразныа Георгия мниха», исследовался в начале века в большой трехтомной работе В. М. Истрина (1920, 1922, 1930). В настоящем разделе мы бегло просмотрим теорию о происхождении славянского перевода ХГА, предложенную Истриным, реакции ученых того времени на его работу и мнение современных исследователей.

Сначала несколько слов о ХГА на оригинальном, греческом, языке (см. Krumbacher 1970: 352-358; ODB: 836): Хроника является описанием всемирной истории от Адама до 842 г. Во многих греческих списках к оригинальному тексту были добавлены «продолжения», которые доводят описание до 948 г., а в некоторых списках даже до 1081 г. или 1142/43 гг. ХГА является сочинением некоего монаха Георгия, о личности которого известно очень мало. По всей вероятности он писал свое произведение в 866-872 гг. Заглавие греческого текста «Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συνθετὲν ὑπὸ Γεωργίου ἀμαρτωλοῦ». Источниками ХГА служили «хроника Феофана» и «хроника Иоанна Малалы», однако период с 813 по 842 г. описывается Георгием Амартолом самостоятельно. Как источник «продолжения» в некоторых работах упоминается «Хроника Симеона Логофета». Греческий текст ХГА был издан де Боором (De Boor 1904) только по одному списку (Париж, В.Н. Coisl. 305, X-XI в.), несмотря на то, что его традиция сложная и состоит из большого количества рукописей: известны три главные редакции.

Обратимся сейчас к славянским переводам ХГА: Текст существует в двух славянских переводах; они называются согласно традиции «Болгарским Амартолом» и «Сербским Амартолом». Переводы независимы друг от друга. В. М. Истрин исследовал

старший, «болгарский» перевод по всем доступным ему спискам и подготовил свое издание на основе двух из них, а именно:

а) *Московская Духовная Академия № 100*, «Троицкий список», XIII-XIV в. (в издании стр. 1-412). Этот список отличается от остальных и Истрин считал его более близким к первооригиналу.

б) *Ундольский № 1289*, XV в. (остальная часть издания) (Истрин 1922: 311-312).

Истрин заключил, что ХГА представляет собой перевод, сделанный в Киевской Руси в сороковые годы XI в. Датирование Истрин обосновал тем фактом, что в ПВЛ находятся цитаты из ХГА (Истрин 1922: 309). В связи с этим, Истрин сделал вывод, что, вероятнее всего, перевод был осуществлен как результат просветительской деятельности Ярослава Мудрого, о которой говорится в ПВЛ (см. выше).

Вопрос о месте перевода значительно более сложный чем датирование. Истрин привел большое количество данных, на основе которых можно предполагать, что текст был переведен в Киевской Руси (Истрин 1922: 268-309). Его теория включает следующие типы доказательств:

а) Полногласные формы.

б) Приставка «вы-» при глаголах.

в) Греческое «ѡβ» = в переводе «мв».

г) Окончание отчества «ичь».

е) Глоссы, в том числе гр. «φράυουοι» в значении «варяжскъ», «сквфы» = «козары», гр. «Μουχοῦμεδ» = «вохмитъ», гр. «τὸ Στερόν» = «соудъ», наличие в славянском переводе ХГА имен Аскольда и Дира.

ф) Словарный материал. При изучении словарного материала Истрин использовал «список русизмов» Соболевского, словари Срезневского и Миклошича. Он пишет: «Оба словаря в рассматриваемом вопросе взаимно дополняют друг друга: у Миклошича преобладают памятники южнославянские, у Срезневского в одинаковой степени использованы и памятники русские. Поэтому, если напр. какое-либо слово в Словаре Миклошича не встречается, а у Срезневского отмечено лишь в памятниках *русских*, то, хотя безусловного и абсолютного вывода отсюда сделать еще нельзя, однако на это обстоятельство всегда следует обращать внимание: в нем можно видеть одно из побуждений для дальнейших разысканий» (Истрин 1922: 296).

На основе своих рассуждений, Истрин пришел к выводу, что перевод ХГА по происхождению безусловно русский (Истрин 1922: 305).

Уже через несколько лет после опубликования второго тома ра-

боты Истрина появились критические рецензии (Дурново 1925; Лавров 1925/26). По мнению Дурново, перевод был сделан на Руси, но не русским переводчиком самостоятельно, а скорее всего «в сотрудничестве с более опытными в этом деле переводчиками южными славянами» (Дурново 1925: 460). Лавров полагал, что текст ХГА, по всей вероятности, является русской редакцией ранее сделанного перевода (Лавров 1925/26: 682). Истрин опубликовал ответ своим критикам в третьем томе своего исследования, но не изменил своего мнения о происхождении ХГА (Истрин 1930: V-L).

Кроме работ Дурново и Лаврова, вопрос обсуждался в ряде исследований после Второй мировой войны (напр. Bräuer 1959; Dostál 1963; Мещерский 1978: 70-79; Franklin 1988 и др.)⁸. Ф. Дж. Томсон характеризует нынешнее положение вопроса следующими словами: «So far no linguistic evidence has been adduced which affords incontrovertible proof that the most probable theory that a tenth-century Bulgarian translation was later revised in Kievan Russia is wrong» (Thomson 1993:339).

Несмотря на то, что вопрос о месте перевода ХГА еще является открытым, текст был включен в памятники послужившие источниками для СРЯ XI-XVII, к тому же без указаний на работы, в которых критикуется теория Истрина. (см. УкСРЯ: 122).

4. Выводы

Проведенный нами краткий обзор методов и проблем при датировании и локализации анонимных церковнославянских переводов приводит к следующим выводам:

В этой статье, мы идентифицировали пять главных методов: текстуальный, лексический, синтаксический, орфографический, и метод датирования и локализации при помощи переводческой техники. Всеобщей чертой этих методов является факт, что ни один из них самостоятельно не может служить базисом для датирования или локализации. Надежных результатов можно достигнуть только в том

⁸ Кроме здесь упомянутых работ были опубликованы и другие, которые обсуждают затронутую проблематику, в том числе статьи М. Вейнгарта, В. Розова, Н. Гудзего. Так как подробное исследование всех вопросов, касающихся перевода ХГА, лежат за рамками настоящего краткого обзора, мы обратим внимание на работы Истрина (1930) и Томсона (1993) для библиографической информации.

случае, если датирование и локализация строятся на глубоком текстологическом анализе рукописной традиции. Исходя из такого анализа можно применять вышеназванные методы как взаимно дополняющие друг друга инструменты.

Возможности благоприятного применения текстуального метода развиваются постепенно с опубликованием новых исследований в области политической, церковной истории и истории церковно-славянской религиозной и светской литературы (в том числе исследования летописей).

В области лексики многие вопросы остаются неясными. Чтобы стать надежным критерием датирования и локализации, лексический метод нуждается в помощи исследований в области исторической диалектологии. Нужны более точные сведения о распространении лексических единиц по славянской территории.

В области синтаксиса остаются многие неясности. Сопоставительные исследования, подобные работам Бройера (1959), нужно в значительной мере умножить, чтобы получить полную картину развития славянского синтаксиса с компаративной точки зрения (т. е. развитие отдельных изводов церковнославянского языка).

Развитие переводческой техники в славянское средневековье исследовано спорадически. Чтобы стать надежным критерием, метод нуждается в более точной разработке.

Орфография остается почти единственной областью, о которой мы имеем хорошие и достаточно полные знания. Однако, неустойчивость орфографии приводит к сомнениям в ее применимости как критерия при датировании и локализации.

Только при развитии вышеуказанных критериев, и, возможно, новых, ныне неразработанных, мы сможем дать окончательные ответы на многие вопросы датирования и локализации. Среди этих вопросов находятся и более общие, как вопрос о существовании в Древней Руси переводческой деятельности до монгольского нашествия, и более специфичные, как вопрос о локализации ХГА.

Использованная литература

Словари, энциклопедии и издания текстов

Люсен, И. [= Огрен, И.] (1995b), *Греческо-старославянский конкорданс*

- к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (*codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri*) (= Acta universitatis Upsaliensis, *Studia Slavica Upsaliensia*, 36), Uppsala.
- Miklosich, Fr. (1865), *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*, Vindobonae.
- ODB (1991) = *The Oxford Dictionary of Byzantium* (ed. A. P. Kazhdan), New York & Oxford.
- ПСРЛ (1962) = *Полное собрание русских летописей*, том первый, Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку, Москва.
- SJS (1958-) = *Slovník jazyka staroslověnského*, t. 1-, Praha.
- Срезневский, И. И. (1893-1903), *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, т. I-III, Санктпетербург.
- СРЯ XI-XVII (1975-96-) = *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, том 1-23 («а» – «сдымка»), Москва.
- ССЛ. (1994) = *Старославянский словарь* (по рукописям X-XI веков), Москва.
- УКСРЯ (1975) = *Словарь русского языка XI-XVII вв. Указатель источников* (сост. С. Ф. Геккер), Москва.

Статьи и монографии

- Алексеев, А. А. (1988), К истории русской переводческой школы XII-го в., *ТОДРЛ*, 41, стр. 154-196.
- Верещагин, Е. М. (1971), *Из истории возникновения первого литературного языка славян, Переводческая техника Кирилла и Мефодия*, Москва.
- (1972а), *Из истории возникновения первого литературного языка славян, Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия*, Москва.
- (1972b), *Kyrells und Methods Übersetzungstechnik: drei Typen der Entsprechung zwischen griechischen und slavischen Wörtern*, *Zeitschrift für slavische Philologie*, XXXVI/2, стр. 373-385.
- Демина, Е. И. (1984), Проблема определения диалектной основы памятников болгарской письменности, *Palaeobulgarica*, г. VIII, 3, стр. 3-8.
- Дурново, Н. (1925), К вопросу о национальности славянского переводчика хроники Георгия Амартола, *Slavia*, гоџник 4, сеџит 3, стр. 446-460.
- (1927), *Введение в историю русского языка*, часть I источники (= Opera Facultatis Philosophicae Universitatis Masarykianae Brunensis, 20), Врно.
- Иванова-Мирчева, Д. (1977), К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX-X до XIV века, *Palaeobulgarica*, 1, стр. 37-49.
- Истрин, В. М. (1920, 1922, 1930), *КНИГИ ВРЕМЕНИИИ И СЪБРАЗНИИ ГЕОУРГИИ МНИИИ*, *Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе*, Том I (1920): Текст, Том II (1922): а) Греческий

- текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование, Том III (1930): Словарь. Петроград/Ленинград.
- Лавров, П. А. (1925-26), Георгий Амартол в издании В. М. Истрина, *Slavia*, гоѣник 4, sešit 3 (1925), стр. 461-484, sešit 4 (1926) стр. 657-683.
- Львов, А. С. (1974), Варьирование средств выражения в памятниках старославянской письменности, *Вопросы языкознания*, 6, стр. 78-90.
- Мещерский, Н. А. (1978), *Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX - XV веков (учебное пособие)*, Ленинград.
- Мирчев, К. (1963), *Историческа граматика на българския език* (второ издание), София.
- Молдован, А. М. (1994), Критерии локализации древнеславянских переводов, *Славяноведение*, 2, стр. 69-80.
- (1997), Лексический аспект в истории церковнославянского языка, *Вопросы языкознания*, 3, стр. 63-75.
- Огрэн, И. [= Люсен, И.] (1995а), К вопросу о теоретическом и практическом базисе древнейших славянских переводов, *Подовактъ паметъ сътворити - Essays to the Memory of Anders Sjöberg* (= Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm Slavic studies, 24), Stockholm, стр. 157-172.
- Соболевский, А. И. (1910), Особенности русских переводов домонгольского периода, *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* (=СБОРЯС, том 88, н. 3), стр. 162-177.
- Станков, Р. (1991), Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (на материале Исторической Палеи), *Palaeobulgarica*, г. XV, 4, стр. 83-91.
- Успенский, Б. А. (1988), *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, Budapest.
- Шьоберг, А. (1980), Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия, *Palaeobulgarica*, 2, стр. 37-42.
- Франклин, С. (Franklin, S.) (1988), К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык, *ТОДрЛ*, XLI, стр. 324-330.
- Яцимирский, А. И. (1899), Из славянских рукописей – Тексты и заметки, *Ученые записки Имп. Моск. Университета, отд. истор.- фил.*, Выпуск 24, стр. 1-166.
- Birnbaum, H & Schaeken, J. (1997), *Das altkirchenslavische Wort, Bildung – Bedeutung – Herleitung*, Altkirchenslavische Studien I (= Slavistische Beiträge, 348), München.
- De Boor, C. (1904), *Georgius Monachus, Chronicon*, 2 тома, Leipzig.
- Bräuer, H. (1957), Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Teil I: Die Final- und abhängigen Heischesätze (=

- Veröffentlichungen der Abteilung f. Slav. Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 11), Wiesbaden.
- (1959), Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur, *Zeitschrift für slavische Philologie*, XXVII, стр. 322-347.
- Dostál, A. (1963), Slovanský překlad byzantské kroniky Georgia Hamartola, *Slavia*, ročník XXXII, стр. 375-384.
- Fält, E. (1990), *Compounds in Contact. A study in Compound Words with special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus' Περί τῆς Ἰουδαϊκοῦ πολέμου* (= Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia, 28), Uppsala.
- Hansack., E. (1979), Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes, *Die Welt der Slaven*, 24, стр. 121-171.
- (1981), Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes, *Die Welt der Slaven*, 26, стр. 15-36.
- (1986), Sprachphilosophie im Hexaëmeron des Exarchen Johannes. Ihr Einfluß auf den Übersetzungsstil, *Anzeiger für slavische Philologie*, Bd. XVII, стр. 57-100.
- (1987), Zur Technik der Doppelübersetzung. Zwei Beiträge aus slavistischer Sicht: 1. Die Praefatio Brixiana, 2. Notker der Deutsche, *Anzeiger für slavische Philologie*, Bd. XVIII, стр. 79-127.
- (1993), Paläoslavistik und Computer: die Erschließung des kirchenslavischen Erbes, *Anzeiger für slavische Philologie*, Bd. XXII/1, стр. 87-96.
- Grünenthal, O. (1910), Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, *Archiv für slavische Philologie*, XXXI, стр. 321-366, 507-528.
- Höcherl, A. (1970), *Zur Übersetzungstechnik des altrussischen »Jüdischen Kriegeres« des Josephus Flavius*, München.
- Jagić, V. (1913), *Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache*, Berlin.
- Keipert, H. (1977), *Die Adjektiva auf -telъnъ. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1. Teil, Wiesbaden.
- Krumbacher, K. (1970), *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527-1453)* (= Burt Franklin: Bibliography and Reference Series, 13, Byzantine Series, 27), New York.
- Leeming, H. (1987), Early Slavonic Translation Technique: A Contrast with Latin and Slavonic, *Курно-Методиевски студии*, кн. 4, стр. 180-191.
- Lunt, H. G. (1988), On Interpreting the Russian Primary Chronicle; the Year 1073, *Slavic and East European Journal*, 32, стр. 251-264.
- Maas, P. (1957), *Textkritik*, Leipzig.
- Molnár, N. (1985), *The calques of Greek origin in the most ancient Old Slavic Gospel Texts: A theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the archaic Old Slavic Gospel Codices* (= Slavistische Forschungen, 47), Köln.
- Rosén, T. (1997), *The Slavonic Translation of the Apocryphal Infancy Gospel of Thomas* (= Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia, 39), Uppsala.
- Šafařík, P. J. (1858), *Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus*,

Prag.

- Sjöberg, A. (1987), Old Church Slavonic and Old English Translation Techniques: On Lexical Variants in the OCS Translation of the Gospels, *Studier i modern språkvetenskap* (= Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm studies in modern philology, new series 8), стр. 146-150.
- Terras, V. (1991), *A History of Russian Literature*, New Haven & London.
- Thomson, F. J. (1988), "Sensus or Proprietas verborum" — Mediaeval Theories of Translation as Exemplified by Translation from Greek into Latin and Slavonic, *Symposium Methodianum* (=Selecta Slavica, 13), Neuried, стр. 675-693.
- (1989), Continuity in the development of Bulgarian Culture during the Period of byzantine Hegemony and the Slavonic Translations of the Works by the Three cappadocian Fathers, *Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий*, II, стр. 140-153.
- (1991), John the Exarch's theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his abridged Translation of John of Damascus' "De Fide Orthodoxa", *Palaeobulgarica*, 1, стр. 35-58.
- (1993), "Made in Russia?": A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia, *Millenium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland, 988-1988*, Köln, стр. 295-354.
- (1994), L'Evolution de la manière de traduire chez les slaves au moyen age, *Revue d'histoire des textes*, XXIV, стр. 313-337.
- Van Wijk, N. (1975), *The Old Church Slavonic Translation of the ANΔΡΩΝ ΑΓΙΩΝ ΒΙΒΛΟΣ* (ed. D. Armstrong, R. Pope and C. H. van Schooneveld), the Hague.
- Voss, C. (1997), *Die Paränesis Ephraims des Syrerers in südslavischen Handschriften des 14.-16. Jahrhunderts, Zur Lexik der Altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung* (= Monumenta Linguae Slavicae, XXXVIII), Freiburg i. Br.